

ВРЕМЯ ЖАТВЫ

Забыты жаркие пейзажи ласковой водой, а маленькая Оля тащила за ногу большого водолюба. Жук задыхался, боль в задней конечности сотрясала выпуклую черноту. Это расплата, — думал он, — за мое пристрастие в личиночном прошлом к улиткам. Притащила жука в светлую. В комнате сидел человек, из рук в окно уходила блестящая лента. По этой дороге шли, ползли, катились в зеленом. Дойдя до отметки на ленте, они сбрасывали свой груз в шкатулку, исчезали.

Попадались упрямые, не желавшие отдать ношу. Подлетела оса, отнимала. Жука накормили блюдом из сердец мальков ерша, сытого швырнули в шкатулку, приказали сторожить.

На дне в беспорядке лежали книги, листами в них были чешуйки крыльев бабочек, в основном — голубянки икар и сереневого бражника. В первую же ночь из-под них вылезла личинка стрекозы. Жук бросился на нее: она могла подрасти и унести драгоценные книги. Но личинка имела невкусный вид. К тому же она прошептала: наши родители были дружны, ты жил около единственного цветка нимфея кандида. Да, — ответил сторож, — но мое жилище давно вырвано.

Случайно жук заглянул в одну из книг и увидел в ней смутно знакомые: столбики ничего ураганы тьматьмы треугольники отрицания тартарограф пашет мозговые целины вектор вета цветооставления неонео — тарные речи.

Откинулся от страниц, прикинулся человеком, жуком.

Ночью хоромы галлюцинаций экзальтировались до реальности. Жук сидел в шкатулке второй день и второй день к нему кидали крошечные книги.

Из личинки выросла стрекоза. Они мечтали выбраться к родному озеру. По ночам летала над дремотным водоемом: к бегству сил набиралась.

Однажды пришел Некто и сообщил стрекозе, которая была девочкой, что ей пора замуж.. Перед уходом сделал фокус: между ладонями заплесали шарики, они светились. Оля, оказавшись во власти цветных причуд, полетела к озеру.

Откованные из стекла плоскости быстрых стрекозиных крыльев щекотали спину болотному раздолью. Над завалами вились цепочки насекомых; летающие броши шептались.

Иногда гирлянда, состоящая из пяти, десяти стрекоз рушилась в зеленые сабли осок, вновь поднималась спешить.

Зыбкое щетинистое шевеление горизонта. За ближним-второй, третий горизонт. Там и вблизи-ювелирные магазины. Редко луч солнца совпадал в рефлексе от тысяч-тысяч блестящих крыльев, обтянутых молодой паутиной, и сияние легкой лентой нежло дно глаз.

Пришли с посохами Холода. Привалив травы, одарили их последним оттенком ботанического карнавала. Комары уже не кусаются, убедились в бесплодности тирании, отказались от пищи, голодовка. Бодит изношенное жало, а по

ночам все чаще устрашающее видение паука.

Одрябшие кувшинки разбиты сильными хвостами повзрослевших щурят. Пузыри в облака со дна стремятся, но долг еще их путь — успеть бы до морозов. Уходят в суетливое кувыркание оторванные листья: отдохнуть от колебаний, обязанностей; в падении подвести итог.

Первое, что пришло в голову Ольге, это желание побрить отца. Взгляд избегал скользить по шее, по близким глазам. Мыльная нега скрыла темный след на шее и эхо безумия стало далеким. Небрежно побрила, теплым от пара полотенцем оживила лицо.

Пальцы ощутили через ткань яблоки глаз, в них еще не остыли последние танцы предметов, конечный итог в виде лакомой тьмы.

Все. Присела на диван, распустила волосы. Заломив изгиб спины сняла защитный барьер. Криком.

Отец совсем покинул себя и лишь запах служебного одеколona /составлен протокол, отснято девять казенных снимков, Ольга увезена в больницу с помрачением/ напоминал о седьмом знаке зодиака; предел осязаний.

Когда выносили холодевшее бремя в виде беспризорных человеческих мощей: голова, руки, ноги, убежище оптимизма он пытался начать осмотр картин перезрелых, назоильных жаворонков: щедроты зональных яркостей, радуга обещаний.

Скоро дождь. По дороге пылит почтовый велосипед, вести везет.

Чешуей ящера блестел утренний диабаз, по которому шла Ольга кротколетной горностайкой. Демоны вожделений играли в ней на нефритовой свирели. В пиршествах миниатюрных желаний неистовствовали властные тайны. Наконец-то нашелся и для нее кормилец скворцов. Он привел ее в сазарную квартиру, заплатив выкуп за невесту— два ведра жемчуга.

Залетные миги читали отходную После свадьбы пришла летаргия бесноватых дней. Тайные заварухи с губами вычеркнуты из реестра восхищений.

Картавые ночи, заволглые речи.

Муж оказался дрекольным стервецом с говяжьим личиком. Напевные облачения обратились в седые скучалости. Она не желала понимать тонкости семейного омерзения: прочь. Вернулась домой.

Отец задичал, от него ушла жена, часто нежничавшая с ним: кто ты?— итеэровец, потративший 20 лет на изобретение пуговицы. Надоели запиленный Шопен и мерзлая ставрида. В доме пахнет подвалом— унеслась в небытие сорокалетних воеализов.

В отсутствие Оленьки приходил бывший муж. Но бахус не приносил веселья; была лишь догадка об асфальтовой сущности. Запьянев, борзой нахал выкрикивал несвязности: не люблю осень, рассветы и розы. Что делать на

пенсии? Рисовать больничные интерьеры или молиться? Лично я собой не собираюсь отягощать семью..... Хотят ощупать пространство, а полет в никуда осмеян.... Небосклад..... Вете невидимые волосы природы. Ненавижу балет! Истинный балет у мошек в пустотах, а не у громоздких балерин с паразитами в животах..... Вопрос-инобытие сверхреального.....

К вечеру становилось людно. Приходил студентшко почитать о том, как старый комар точит напильником жало. Потом ругались за лирическое овеществление фатальности, пока язык не задержится в матерном логовище. Приходил некий молчаливец, про него ходили слухи, что он собирает фамилии тех, кто читал тексты Кумрана и Вейнингера. Был и вертлявый хохмач, доказавший на арифмометре, что Ясперс — ничтожество, а Гофман страдал астенической психопатией. При этом вывешивал на стену схемы, пояснявшие смелые открытия.

Хозяин читал немецкие стихи. Оба пьянели, подходили к пианоле наиграть что-либо, а Он лежал, чувство валы огня катились в нем от почек до ключиц. Штормы внутренних сражений огня со спокойствием молчания. Океанские волны полыханий, на которых пока уцелели несколько кораблей: два сухогруза, учебный барк, сейнер, — доносили свой рокот призывный до камней гипофиза, растекались по тройничному нерву, обжигая зев, оглушая лопнувшими каскадами радуг, ослепляя нарушением масштаба. Яростные пространства ярчайше-неистово, вспенившись, гневно вопрошали: до коле? Дрекольный стервец отвечал: до утра.

Вечерами, длинными, как тропа от Мурманска до Гонконга, сидели за чаем. Варенье из малины, собранной в предгрозовую тишину, нарушенную тем, что деревенские олухи, напившись самогона из чертополоха, пели: нас мила покинула, душу с сердца вынула, ай, гоп, гоп ай, сердце наше вынула. Хмурины на лбу у громовержца собирались, а у Ольги заблудилось в глазах лукавство и аукались с ягодкой то пальчики, то зубки. Отец пришел с базара, ей цветочный платок, себе — трубку-пыхтелку из глины Конского омуты, там в прошлом году сом водолаза сожрал Все это напоминала малина, собранная в это лето за один день, памятный тем, что после грозы /песни продолжались/ отец уснул с трубкой в руке на крыльце, с которого виднелось пастбище, сын его, пастух, поднимался затемно. Он в тот день повествовал странно-заятны экспромты: почему, Ольга, носят валенки? Юг постарел! Сколько глаз в земле? Две пары! Когда снится бегемот в крапиве? Когда засолят новогоднюю ель!

Подсел пастух к ней, зашептал: в молоке не купайся, из темного стекла не пей, в седьмую пятницу на пятый год поставь мне свечку, а через два года гони от отца всех друзей.

Вздрогнула: не речь пастуха. Затаилась. Погадай по руке. — О чем? — Ну, предположим..... мальчик или девочка будет у меня? — По руке девицы не ответить. — Откуда знаешь?... — Волосы при свече у тебя переливаются, глаз световит, и должна быть под коленкой кожа, как у младенца за ухом. Хочешь ответ знать — ступай в хлев без огня,

с первой овцы выдери клок шерсти.

Оля принесла шерсть. Он попросил золы, соли, кусочек ногтя с безымянного. Растер все это и в пустой орех всыпал. Положил на одну ладонь, прихлопнул другой сверху. Стало слышно, как по всей округе недозрелые груши осыпались, как рыбы плавниками шелестят и стучит сердце у птиц. Меж его ладонями светящиеся шарики танцуют. Что это, — кричит восхищенная девушка, — куда скользит мои ноги, почему вокруг.....— она замолчала и, пошатываясь, пошла к озеру, его спокойная спина была мутной от изобилия туманов, огненных мошек, малых и больших легких рыб улетающих, врата стерегущих. Люди с черными квадратами вместо голов пытались окунуться, но, как только они вступали в воду, озеро твердело.

Она подошла к одному из купальщиков, фигурой напоминавшего отца. Иди за мной,—сказала она,— если не боишься пастуха. Мы скоро будем дома, где будет варенье, мама, которая уйдет от тебя. Пойдем в наш уют, тебя скоро унесут из него и от меня к земному небу, что пытается воплями, заставляя уходить из любимого мира геометрий, все-обещающей, но не исполняющей ничего. Успокойся, я укрою тебя, а рядом положу кота; помнишь, мы нашли его у озера, черного, мерзлого; ты все хотел искупаться, а я увела тебя домой

Знаешь, доченька, честно говоря, и ягод я не любил, и о главном не поведал. Не ушел я, меня увели. Увели другие люди, мать и отец. Они скучали по мне, хотя при

жизни не любили меня. Смешно говорить это сейчас, когда слова до тебя не доходят, и смешно думать, что тебя нет. Не виню родителей за то, что они, в мечтательности безнадежного поиска, усмотрели Выход через эстафету органики. Их тоже вовлекли насильно, убаюкивая в начале тупика колыбельным бредом, а в конце ловушки увеселяя театром одного актера. Этот актер думал, что он избранник. Думал, конечно, в тайне, — попробуй скажи вслух — заведут в другой тупик, — надеялся, что уберет Отсюда ноги, несмотря на то, что удалось бы поохотиться на слонов и, построив хижину, ожидать эвтаназии. Тебе может показаться, будто я /налей покрепче/как бы это сказать ... /кажется, телефон/ не люблю жизнь /скажи нет дома/. Это не так, я люблю жизнь. Да! Но не эту! Отец и мать! Как смешаны благодарность и ужас. Благодарность за якобы жизнь. Ужас — что живешь. Особенно меня поразил отец; твой отец, Ольга, имел счастье н е б ы т ь, прожив лишь месяц, Мой папуля страдал от тех же догадок, что и я. Месяц спустя, после того, как вытащили из роженицы капсулу для моей души /выпал на грудь грязных тряпок — прототип Олимпа/, мой отец, пытаясь освободить себя от ответственности за мое рождение, а меня от обязанности зрителя, он, раздев меня, рыдая, положил на снег. Вопреки мечтам кто-то отсрочил исход до сорока трех новогодних утр. Твоя сказка ~~р~~ про то, как пастух женился на тебе, мне по сердцу. Ты от меня ничего не таишь?

Недавно я бродил по пшеничному полю, мимо-экспресс. Успел заметить тебя с третьим мужем. Вы пили обещанья молодости. Но вскоре супруги сошли, углубились в простор, долго бродили по пшеничному полю. Я следил за вами. Видел несколько пустых сцен.

Мне было по-родительски неловко: моя дочь с телом полинезийской принцессы, подпорченным в десятом колене китайским воином и исправленным корсарской ночью, — моя дочь с типом, у которого лицо изуродовано звездными катастрофами..... У тебя в тот день было такое выражение, словно ты поела хлорной извести. До вечера вы гуляли в поле, пока не повстречали детей с овчарками. Псинолюбы спустили на вас страшил. К этому времени мы подружились. Он благодарит тебя за свечку, поставленную в храме. Пастух превратил собак и детей, жаждавших крови, в травяных лягушек. Чтобы замести следы, он поджег поле. Но самый последний раз я видел вас на нашей даче. Ты ходила по саду, собирала камни. Потом стала косить траву. Срезала даже яблони и кусты малины — те самые. В сад вошел незнакомец, он взял у тебя косу и продолжил работу. Скосил забор, колодец, дом. А ты все смеялась. Принялся за ячменное поле, гороховое; а ты шла за ним. Я осмелился подойти, ты заметила меня, рванулась ко мне. Растроганный твоей памятью твой отец, моя дочь, слышал тихие вопрошающие повторения: веришь? веришь!

Мы снова вместе: я, ты, трое твоих мужей. Они-ми-

лые люди. Все верим в жизнь, полны сил. Сидим за столом, играем в камни, играемся с котом, у которого, как ты однажды пошутила, маленькие коровы бродят по зубам, как по холмам. Время ко сну; в нем беспощадные эпизоды дразнят логику бытовщинных силлгизмов. Спать, спать! Да и сам Господь говорит, что пора заткнуться.

Осиновые листья метнулись к заливу, к глинисто-илистой несуразности волн; взвились до перистых облаков, и, пролетев над железной станцией, двумя поселками и пылающим стогом, — из него торчали две пары ног, — уставшие листья легли на дорогу, флейтистки под вечер по ней прошагают.

Зачастили снежные схватки, матерела зима
Свистоплясами льдовыми зависал день. Над
домами, надеждами и холмами солнце куражилось.

1974-75 г.